

Культура снимает с людей скафандры одиночества

Дискуссионный клуб с Евгением Шестаковым.
Совместный проект сайта "РГ" и "Валдайского клуба"

Люди потеряли смысл, цель в жизни. Они чувствуют себя одинокими, обиженными. Они чувствуют себя как-то не уютно. Они не объединены в народ. Видимо, ситуация эта дошла до того, что проблема общих национальных ценностей объединяющих Российскую Федерацию в единую страну, оказалась под вопросом. О том как преодолеть культурный дефицит ведущий Дискуссионного клуба Евгений Шестаков беседует с известным российским сценаристом и режиссером Павлом Лунгиным.

Евгений Шестаков: Сегодня, когда говорят о современной культуре, часто начинают ее жалеть. Говорить, что раньше было все хорошо, а теперь все плохо, и дальше будет только хуже.

Павел Лунгин: Я бы поставил вопрос по-другому. Почему Ассамблея Совета по внешней и оборонной политике, которая откроется 9 апреля, будет посвящена вопросам культуры? Казалось бы, что общего? Но вопросы культуры сегодня выходят, как ни удивительно, на первое место. Ведь никто не понимает, на самом деле, до конца, что такое культура. Культура — это не просто книги, театры или люди, смотрящие телевизор. Культура — это та незримая духовная связь, которая объединяет общество, делает из людей народ. Вот говорят — русская культура, говорят — французская культура. То, что делает из французов — французов, это и есть их культура. Также, как то, что делает из русских — русских, это наша культура.

Речь идет о том, что в стране так мало занимались этой самой культурой, что в результате распалась связь между людьми. Связь, которая существует и объединяется общими ценностями и общими смыслами. Пропали сейчас в России общие смыслы. Непонятно, куда идем. Многие люди не понимают, к чему мы идем. К материальному благополучию? Оно приходит ко многим: улицы полны машин, люди ездят за границу. Но дело в том, что люди потеряли смысл, цель в жизни. Они чувствуют себя одинокими, обиженными. Они чувствуют себя как-то не уютно. Они не объединены в народ. Видимо, ситуация эта дошла до того, что проблема общих национальных ценностей объединяющих Российскую Федерацию в единую страну, оказалась под вопросом. Поэтому я очень рад, что Совет по внешней и оборонной политике (СВОП), Ассамблея которого соберется 9-10 апреля, понимает это, и считает, что его дело, его долг, говорить о культуре.

Шестаков: А как обстоит дело в России с общими интересами?

Лунгин: В СССР действительно были общие интересы у людей. Они заключались в усилении могущества страны во имя социализма, коммунизма. Человека все время насильственно втягивали в эту систему, создавали иллюзию, что он живет ее интересами. А сейчас человек не живет интересами государственной системы. Капитализм не предусматривает объединения людей во имя укрепления мощи государства. Более того, сам принцип капитализма состоит в том, что ты сам за себя, ты должен доказать, что ты умнее, что ты талантливее, что ты хитрее, ловчее. Мир живет по принципу простой биологической экспансии — это естественная форма жизни.

Но, что такое Россия? Те люди, которые читали Толстого, Достоевского, Чехова, которые вобрали их в себя, они и есть российские люди. Для всего мира Россия ассоциируется с ее культурным наследием. Школа, которая учит математике, а не учит литературе, это школа, которая ставит под удар, как это не парадоксально звучит, нашу обороноспособность, единство и целостность нашего общества и мира. Сейчас люди чувствуют себя отдельными атомами, которые плохо складываются в единое целое.

Каждый живет в своем скафандре, в своем внутреннем мире. И эти миры не объединяются. Культура это то, что снимает с людей скафандры их одиночества. Поэтому не случайно, что все европейские страны вкладывают огромные деньги в развитие культуры, вроде бы в такие бессмысленные вещи. Когда я жил во Франции, я видел, какие огромные деньги вкладывает в культуру французское правительство. Причем де Голль почувствовал необходимость таких вложений еще в 50-е годы. Это и защита французского языка и обязательное преподавание французской литературы во всех школах. Французские школьники учат наизусть куски прозы, и километрами французские стихи. Огромные деньги вкладываются в театры, в кино. Для того, чтобы французское кино противостояло американскому, этому империализму на уровне искусства. Деньги вкладываются в мастерские для художников, в мастерские для писателей. Это целенаправленные политические задачи, которые решаются уже много лет.

Мы же все время думаем об экономике, о ценах на нефть. Культура финансируется всегда по остаточному принципу. Но оказалось, что без культуры, эта экономика, эта нефть не выполняют свою функцию.

Шестаков: Павел Семенович, вы, когда заговорили о России, то с ходу назвали имена — Чехов, Толстой. Но почему таких знаковых для мировой культуры имен нет сегодня?

Лунгин: Тарковский в кино. Имен везде мало. Мало великих писателей. Смотрите, выбор лауреатов Нобелевской премии по литературе с каждым годом все слабее. Наверное, это процесс общемировой. Все меньше великих фильмов, которые потрясают тебя до глубины души. Хотя, они есть. Ведь на Западе так серьезно поддерживают культуру, потому что у них она тоже в слабом состоянии. Она пошатнулась под ударами дешевого кино, развлекательного Интернета. Культура все-таки была делом элиты, создавалась представителями элиты. Элитой же потреблялась, и только потом шла в массы. Сейчас элиты меньше занимаются культурой. А наша элита, я считаю, катастрофически не интересуется культурой. Они в душу не берут эту культуру. И народ копирует это отношение.

Шестаков: Как вы относитесь к такому понятию, как американская мечта? Нужна ли "русская мечта" России?

Лунгин: Необходима. А иначе ради чего живут люди? Они же не живут для того, чтобы купить новую машину или новый шкаф. Через литературу, театр, хорошие фильмы проходит мечта о русской душе, о русском характере, о некотором идеализме русских, о жертвенности, о возможности жить общими интересами. Но мечта о справедливости, к сожалению, закончилась революцией, которая многое перечеркнула. Однако инерция культурной России была так велика, что даже после революции эта культура инерционным ходом шла и давала великих поэтов — Мандельштама, Пастернака, Ахматову, Цветаеву. Говорю о масштабах. Масштаб Бродского, последнего нашего великого поэта. Но это все инерция, которая шла еще из XIX — начала XX века. Чтобы эта линия не прервалась, чтобы Россия не стала просто сообществом экономически сосуществующих людей, необходимо серьезно вкладываться в культуру. Государство частично это понимает: большие дотации даются кино, театрам, Но это понимание все равно робкое. Власти не до конца осознают критичность сложившегося положения.

РГ: Можно ли говорить, что в нашем обществе сохранились какие-то идеалы или сейчас настало время исключительно прагматизма?

Лунгин: Мне кажется, что если идеалы и существуют, они существуют в мире отдельного человека, под его скафандром. Они сейчас не объединяют людей. Им бывает даже неловко, они вынуждены свои идеалы скрывать, чтобы не казаться смешным, глупым, наивным.

Мы включены в общемировой процесс заболевания, не надо думать, что это происходит только в России, это происходит во всем мире. Я имею в виду, свободный мир, мир огромных возможностей. Наши кинозрители — молодежь от 14 до 18-20 лет ходят в кино, только на развлекательные фильмы. Взрослые в кино вообще не ходят. Люди раньше вспоминали фильмы, которые видели в детстве. Эти фильмы стали вехами, отметками, их общими воспоминаниями о жизни. Это очень интересное явление, которого сейчас мы абсолютно лишены

Поэтому у нас происходят удивительные вещи. Например, у нас не пользуется успехом драма, которую любят во всем мире. У нас нет фильмов о современной семейной жизни, об отношениях людей, нет фильмов, которые говорят о конфликте отцов и детей, у нас даже детективы не имеют успеха, молодежь опростилась до того, что она перестала считать сложный сюжет. Ходят на скетчи, на это у них интеллекта хватает. Все это говорит о том, что образованность стала не престижной, английский

язык учат не для того, чтобы на нем читать художественную литературу, а чтобы работать в какой-нибудь фирме. Быть культурным человеком стало почти стыдным.

РГ: Неужели все настолько критично?

Лунгин: Общество очень тонко реагирует на те ценности, которые ему транслируются элитой. Когда изменится отношение к культуре со стороны элит и государственных мужей, народ тут же начнет реагировать, это совершенно очевидно.

РГ: Но ведь одним вложением денег здесь не обойтись.

Лунгин: Прежде всего, надо думать об этом. Можно ли окончательно вылечить эту духовную болезнь, я не знаю, но то, что ослабить ее можно, это точно. Пора увидеть опасность, поставить задачу и постараться решить ее. В результате нашего культурного дефицита Россия может расщепиться на два народа — те 5-8 миллионов, которые продолжают жить в культурном мире и разделять общекультурные ценности и другую, большую Россию, которой они кажутся абракадаброй. Модернизация касается и духовной сферы. Я так понимаю задачу президента Дмитрия Медведева — объединение этих двух России.

Шестаков: Но во все времена интеллигенция традиционно считала, что власть оказывает недостаточное внимание культуре.

Лунгин: Нет, раньше проблема заключалась в том, что власть слишком много внимания уделяла слову. Мы жили во времена цензуры, и в XIX веке, как вы знаете, и в XVIII веке, когда наказывали Фонвизина, когда царь сказал Пушкину: я буду твоим цензором, когда при советской власти выгоняли людей из Союза писателей, арестовывали. Однако даже в этой суровости цензуры, по крайней мере, был интерес и внимание к культуре, власть верила в силу слова.

Сейчас — пиши что хочешь, говори что хочешь, делай что хочешь, нет никакой реакции — ни положительной, ни отрицательной. Вообще никакой реакции. Поколение старших кинорежиссеров практически перестало работать после того, как исчезла цензура. Я много думал об этом. О том, почему этим талантливым людям, не хочу называть их имена, после того, как ушла цензура, было нечего сказать. Возможно, потому, что им не хватало не запретов, а пристального внимания к их творчеству. Это сложная и противоречивая тема. Я просто пытаюсь сказать, что даже когда существовало равнодушное, злобное цензурирование — это все равно было выражение интереса власти к культуре. Сейчас этого нет- пиши, что хочешь, все равно это никого не волнует. Это нематериально. Материальная сила — это только деньги. Но когда деньги стали единственной целью и материальной силой, оказалось, что люди распадаются на отдельные элементы. У французского писателя Мишеля Уэльбека есть сильная вещь, которая называется "Элементарные частицы". Вот мы в России тоже становимся элементарными частицами.

Павел Семенович Лунгин. Режиссер, сценарист. Лауреат Каннского кинофестиваля в номинации "Специальный приз за режиссуру" (1990 год). Лауреат Каннского кинофестиваля в номинации "Специальный приз за лучший подбор актеров" (2000 год). Автор сценариев более десяти художественных фильмов. Среди наиболее известных его работ — "Такси-блюз" (1990), "Олигарх" (2002), "Остров" (2006), "Царь" (2009).